

Нет автора

**Отчет о 22-м присуждении наград графа
Уварова**

**Приложение к 37 тому Записок имп. академии
наук №4**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Отчет о 22-м присуждении наград графа Уварова: Приложение к 37 тому Записок имп. академии наук №4 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 234 с.

ISBN 978-5-4241-8498-7

ISBN 978-5-4241-8498-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЧЕТЪ

0

ДВАДЦАТЬ-ВТОРОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

читанный Непремѣннымъ Секретаремъ Академикомъ К. С. Веселовскимъ, въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25-го сентября 1879 г.

На соисканіе наградъ графа Уварова въ настоящемъ году было представлено Академіи шесть историческихъ сочиненій, въ томъ числѣ одно рукописное; къ нимъ присоединилось еще одно сочиненіе, отложенное отъ предшествовавшаго конкурса.

По разсмотрѣніи ихъ, въ установленномъ для того порядкѣ, Академія присудила четыремъ изъ нихъ малыя Уваровскія награды (въ 500 руб. каждая).

Эти удостоенные преміями труды суть слѣдующіе:

I.

Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собранныя Я. Ё. Головацкимъ. 3 части въ 4-хъ томахъ. Москва. 1878.

При оцѣнкѣ этого труда Академія имѣла въ виду рецензію, составленную, по ея просьбѣ, членомъ-корреспондентомъ ея, профессоромъ Харьковскаго университета А. А. Потебнею, который своими изслѣдованіями о малорусской народности приобрѣлъ себѣ неоспоримое право считаться компетентнымъ судьей въ относящихся до нея вопросахъ.

Сборникъ г. Головацкаго, по мнѣнію рецензента, составляетъ весьма важное приобретеніе для науки, необходимое для дальнѣйшихъ розысканій въ области южно-русской этнографіи, исторіи.

исторіи языка и словесности. Это — въ настоящее время положительно самое полное изъ всѣхъ существующихъ собраній народныхъ пѣсенъ Галицкой и Угорской Руси, заключающее въ себѣ и такія пѣсни, которыя начинаютъ уже исчезать въ народѣ.

Въ продолженіе многолѣтнихъ странствованій своихъ, начиная съ 1834 г., по всей Галицкой и Угорской Руси, г. Головацкій неустанно собиралъ памятники народной литературы, и успѣлъ записать изъ устъ народа многое, что сохранялось въ его памяти отъ отдаленнѣйшихъ временъ. Собранное такимъ образомъ довольно значительное число пѣсенъ г. Головацкій положилъ въ основу напечатаннаго имъ сборника, въ который онъ сверхъ того включилъ все, что было до него издано другими собирателями, равно какъ и сборники, предоставленные ему разными лицами.

Кому не извѣстно то значеніе, которое въ настоящее время получили въ наукѣ народныя пѣсни? Онѣ живо рисуютъ національный бытъ въ самую отдаленную эпоху, составляя во многихъ случаяхъ единственный для этого источникъ; въ нихъ отражается домашняя и семейная жизнь, съ ея радостями и скорбями, и не рѣдко пополняется то, о чемъ молчатъ лѣтописцы.

Собрать и сохранить произведенія народнаго творчества для потомства и науки — безспорно заслуга не маловажная: но она одна не давала бы г. Головацкому права на полученіе Уваровской преміи, если бы онъ не отнесся къ собранному имъ матеріалу критически, не постарался объяснить его значеніе въ этнографическомъ отношеніи и не предпослалъ сборнику обширнаго введенія, которое заключаетъ въ себѣ:

I. Географическо-статистическіе и историко-этнографическіе очерки Галичины, Сѣверо-восточной Угрии и Буковины.

II. Политическое дѣленіе прикарпатскихъ земель и нѣкоторыя статистическія показанія.

III. Историко-этнографическое обозрѣніе: а) Галичины, б) Угорской Руси и Буковины.

IV. Объясненіе этнографической карты этихъ земель.

Изъ этихъ отдѣловъ наиболѣе значенія имѣютъ первый и послѣдній; что же касается до третьяго отдѣла: «историко-этнографическое обозрѣніе», то отъ него можно было бы пожелать гораздо большей полноты.

Для своего труда г. Головацкій пользовался разными сочиненіями, но во многихъ случаяхъ исправилъ и значительно дополнилъ ихъ на основаніи личнаго знакомства съ описываемыми

мѣстностями. Новизною сообщаемыхъ свѣдѣній отличается статья «Проходы черезъ Карпаты и пути сообщенія, древніе и нынѣшніе», въ которой авторъ обратилъ особенное вниманіе на мѣста, упоминаемыя въ нашихъ лѣтописяхъ.

Нельзя не поблагодарить автора за приложенную къ сборнику этнографическую карту, на которой нанесены всѣ мѣстности, гдѣ были собираемы пѣсни, въ него вошедшія. Эта карта, по отношенію Карпатской Руси, значительно вѣрнѣе карты, приложенной къ сочиненію Шафарика «Славянская народопись» и этнографической карты барона Чѣрнига. Въ весьма пространномъ объясненіи этой карты, авторъ между прочимъ указываетъ на ея особенности, состоящія въ томъ, что на ней показаны до сихъ поръ сохранившіяся у народа географическія и этнографическія названія и племенные разности и приведены имена мѣстностей, рѣкъ и горъ, какія во всеобщемъ употребленіи у мѣстнаго русскаго народа, а не тѣ, которыхъ держатся правительственные органы и которыя вошли въ книжное употребленіе, подъ вліяніемъ польскимъ, мадьярскимъ, румынскимъ и нѣмецкимъ.

Конечно, можно указать на нѣкоторые недостатки сборника г. Головацкаго; но одни изъ нихъ, какъ напр. нестрогое сохраненіе отличій говоровъ въ языкѣ пѣсней, должны быть приписаны издателю, а не собирателю; другіе же, какъ напр. дѣленіе пѣсней по ихъ содержанію на разряды и не точное разнесеніе пѣсней по опредѣленнымъ разрядамъ, не на столько важны, чтобы въ состояніи были уменьшить научное значеніе сборника, который послужитъ для изслѣдователей народнаго быта малорусскаго племени богатою сокровищницею важныхъ и разнообразныхъ свѣдѣній.

II.

Главнѣйшіе источники для исторіи Св. Кирилла и Меѳодія. А. Воронова. Кіевъ. 1877 г.

Подробный разборъ этого сочиненія, составленный, по приглашенію Академіи, экстраординарнымъ професоромъ Московской Духовной Академіи, магистромъ Евг. Евсиг. Голубинскимъ, послужилъ основаніемъ для сужденій о достоинствахъ труда г. Воронова.

Сочиненіе г. Воронова, появившееся въ 1876 и 1877 годахъ въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи, имѣетъ своимъ предметомъ изслѣдованіе источниковъ для исторіи Св. Кирилла и Меѳо-

дія. Признавая, что, несмотря на имѣющееся уже значительное число и ученое достоинство трудовъ, посвященныхъ такому изслѣдованію, критика источниковъ для исторіи Свв. Первоучителей Славянства еще не достигла такой степени, чтобы дальнѣйшія изслѣдованія въ этой области могли быть сочтены излишними, г. Вороновъ въ своемъ сочиненіи, главнымъ образомъ, пытался опредѣлить время происхожденія главнѣйшихъ легендарныхъ источниковъ этой исторіи и отношеніе одного источника къ другому, т. е. разъяснить зависимость или самостоятельность каждаго изъ нихъ, а также опредѣлить степень подлинности и достовѣрности нѣкоторыхъ спорныхъ документальныхъ источниковъ.

Подвергнувъ внимательному разбору критическія соображенія и выводы автора, рецензентъ изложилъ причины, по которымъ онъ не можетъ согласиться со многими изъ нихъ. Такъ называемыя «Паннонскія житія Константина и Меѳодія» и «Пространное Греческое житіе Климента» суть тѣ сказанія о первоучителяхъ, въ критикѣ которыхъ заключается главная задача введенія въ ихъ жизнеописаніе, такъ какъ эти сказанія составляютъ собою первоисточники свѣдѣній о нихъ, и слѣдовательно все зависитъ отъ того или другого рѣшенія вопроса объ ихъ качествѣ. Профессоръ Голубинскій рѣшительно не согласенъ съ г. Вороновымъ во взглядѣ на Паннонскія житія, признавая ихъ не позднѣйшими легендами, какими считаетъ ихъ сей послѣдній, а достовѣрными сказаніями, принадлежащими непосредственнымъ современникамъ и ученикамъ. Равнымъ образомъ онъ весьма не согласенъ съ авторомъ и во взглядѣ на «житіе» Климентово, которое, по мнѣнію почтеннаго московскаго Профессора, заслуживаетъ довѣрія въ несравненно меньшей степени, нежели сколько расположенъ вѣрить ему г. Вороновъ, и можетъ быть признаваемо за источникъ только въ самомъ условномъ смыслѣ. Заявляя столь категорически свое разномысліе съ авторомъ, рецензентъ представилъ прекрасный примѣръ строгаго безпристрастія, признавъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ трудѣ г. Воронова и полезныя стороны. «Если мы не согласны», говоритъ онъ, «съ достопочтеннымъ изслѣдователемъ во взглядахъ, то это, конечно, само собою значить, что мы признаемъ его взгляды неудовлетворительными и неправильными. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это не значить, чтобы мы осуждали научную несостоятельность и недоброкачественность его труда по отношенію къ главнѣйшимъ вопросамъ этого послѣдняго. Всякій знаетъ, что критика сказаній о Константиинѣ и Меѳодіи есть нѣчто своеобразное: здѣсь дѣло пре-

имущественнымъ образомъ основывается не на прямыхъ и положительныхъ данныхъ, которыхъ не достаетъ, а на собственныхъ всякаго изслѣдователя соображеніяхъ. Но соображенія представляютъ собою вещь весьма субъективную: вполне убѣдительно для одного, ни малѣйше не убѣдительно для другого. Мы не можемъ отказать г. Воронову въ замѣчательномъ научномъ достоинствѣ и въ тѣхъ его частяхъ, гдѣ съ воззрѣніями автора мы вовсе или далеко не согласны. Защищая несостоятельную, по нашему мнѣнію, мысль, будто Паннонскія житія первоначально были написаны по гречески, авторъ защищаетъ ее цѣлымъ рядомъ филологическихъ доводовъ; и если мы не можемъ признать за этими доводами убѣдительности, то во всякомъ случаѣ не можемъ не признать, что они суть плодъ самаго тщательнаго изученія текста житій. Не согласятся подобно намъ, или согласятся съ авторомъ другіе, мы не знаемъ; но то несомнѣнно, что подобное тщательное изученіе текста житій есть дѣло далеко не безплодное и не малоцѣнное. Не можемъ мы согласиться съ г. Вороновымъ на то, чтобы признавать авторомъ Климентова житія архіепископа Теофилакта; но не можемъ и не признать научнаго достоинства доказательствъ, которыми онъ хочетъ утвердить свою мысль, — его сравненія нашего житія съ несомнѣнно принадлежащими Теофилакту сочиненіями, при чемъ получаютъ данныя, которыми воспользуются и люди съ нимъ не согласные.

«Не находимъ мы справедливымъ и возможнымъ отказать труду г. Воронова въ научномъ достоинствѣ тамъ, гдѣ мы съ нимъ не согласны. Но это несогласіе наше съ нимъ простирается не на все изслѣдованіе и не на все въ изслѣдованіи; оно касается одной только части послѣдняго (хотя и наиболѣе существенной). Въ остальномъ мы на большую половину совершенно согласны съ нимъ, а на меньшую половину могли бы предъявить только такіа неважныя разногласія, изъ за которыхъ не стоило бы поднимать нарочитаго спора.

«Позволимъ себѣ указать на то, что, по нашему мнѣнію, должно быть отмѣчено въ изслѣдованіи, какъ выдающееся.

«Считая автора житія Меодія принадлежащимъ не къ Римской половинѣ церкви, хотя и признающимъ символъ православный, а къ половинѣ Греческой (однимъ и тѣмъ же съ авторомъ житія Константинова), изслѣдователь совершенно удовлетворительно разъясняетъ тѣ недоумѣнія, которыя заставляли прежнихъ изслѣдователей причислять автора къ Римской половинѣ церкви.

«Въ разборѣ пространнаго Греческаго житія Климента изслѣдователь совершенно основательно опровергаетъ мнѣніе покойнаго Бодянскаго, принятое и многими другими, будто авторъ его есть славянинъ. Затѣмъ заслуживаетъ полнаго одобренія и не можетъ быть названа совсѣмъ неудачною его попытка доискаться настоящаго смысла въ темныхъ и по буквальному смыслу несообразныхъ рѣчахъ автора о дѣятельности Климента.

«Въ разборѣ «Успенія Св. Кирилла» изслѣдователь дѣлаетъ столько же похвальную и также не неудачную попытку разъяснить, откуда могла взяться эта Брегалница, какъ мѣсто проповѣднической дѣятельности Константина.

«Написаніе о правой вѣрѣ» изслѣдователь не находитъ возможнымъ признать за подлинное произведеніе Константина. Можетъ быть, авторъ не всѣхъ убѣдитъ своими доводами; но совсѣмъ не основательно на нашъ взглядъ или по крайней мѣрѣ не совсѣмъ основательно поступить тотъ, кто не обратитъ на нихъ серьезнаго вниманія и не взвѣситъ ихъ по надлежащему.

«Авторъ дѣлаетъ новую попытку объяснить загадочное слово «Каонъ», и попытку, едва ли не болѣе удачную всѣхъ прежнихъ.

Г. Голубинскій заключаетъ свою рецензію заявленіемъ, что онъ признаетъ сочиненіе г. Воронова ученымъ изслѣдованіемъ серьезнымъ и добросовѣстнымъ, которое при полной самостоятельности обладаетъ немалыми положительными достоинствами и представляетъ собою полезный вкладъ въ науку.

III.

Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ. Юго-западный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія, собранные д. чл. П. П. Чубинскимъ. 7 томовъ. Спб. 1872—1878.

Ближайшее разсмотрѣніе этого сочиненія было поручено Академикамъ И. И. Срезневскому и А. Н. Веселовскому, изъ которыхъ первый принялъ на себя оцѣнку преимущественно лексической и грамматической стороны труда г. Чубинскаго, а второй всего того, что въ этомъ трудѣ относится до народной поэзіи.

По свидѣтельству г. Срезневскаго, сборникъ трудовъ экспедиціи, снаряженной Русскимъ Географическимъ Обществомъ въ юго-западный край Руси, заключаетъ въ себѣ такое количество матеріаловъ, что долженъ занять первое мѣсто между сборниками

разнаго рода, относящимися къ тому же краю. Въ семи большихъ томахъ содержатся разнообразныя записки о бытѣ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, преданіяхъ народа и вообще разнаго рода свѣдѣнія, замѣтки о народной словесности и особенностяхъ народнаго языка. Матеріалы и изслѣдованія, вошедшіе въ составъ этого сборника, были разработаны или же только приготовлены къ изданію разными лицами. Въ этомъ обстоятельствѣ г. Срезневскій видитъ причину, почему нѣкоторые отдѣлы сочиненія вышли значительно полнѣе, чѣмъ другіе, и почему въ обработкѣ различныхъ отдѣловъ нѣтъ общей внутренней связи. Въ разныхъ мѣстахъ сборника проглядываетъ намѣреніе отличить въ южно-русскомъ народѣ нѣсколько мѣстныхъ отдѣловъ; можно предположить, что и матеріалы были первоначально подбираемы по этимъ народнымъ отдѣламъ; но при изданіи сборника матеріалы распредѣлились по содержанію такъ, что народныя отдѣлы смѣшались, затемнились, а въ тѣхъ случаяхъ, когда не было отмѣчено, гдѣ именно что записано, и совершенно пропали.

Обращаясь собственно къ филологической части сборника, а именно къ свѣдѣніямъ о южно-русскомъ нарѣчій, или точнѣе, объ особенностяхъ видоизмѣненій этого нарѣчія, заключающимся въ VII томѣ сочиненія, Академикъ Срезневскій свидѣтельствуетъ, что возбужденные здѣсь вопросы и сопровождающія ихъ объясненія очень поучительны и любопытны; но отвѣты на эти вопросы и сами по себѣ, а еще болѣе по небольшому числу мѣстностей, къ которымъ относятся, полезны преимущественно только въ смыслѣ случайныхъ дополненій къ объясненіямъ, приложеннымъ къ вопросамъ.

Другой рецензентъ, профессоръ Веселовскій, съ своей стороны признаетъ помянутый сборникъ замѣчательнымъ явленіемъ въ нашей литературѣ. Экспедиція, руководителемъ которой былъ г. Чубинскій, должна была изслѣдовать въ этнографическо-статистическомъ отношеніи юго-западный край, т. е. губерніи Кіевскую, Подольскую и Волынскую; но г. Чубинскій раздвинулъ предѣлы изслѣдованія и включилъ въ его районъ южныя части губерній Гродненской и Минской, западныя Люблинской и Сѣдлецкой и сѣверо-восточную часть Бессарабіи. Это доставило ему преимущество болѣе широкаго кругозора и большаго запаса матеріаловъ, которые затѣмъ надлежало подвергнуть внимательному разбору и редакціонной обработкѣ. Такимъ образомъ г. Чубинскій исполнилъ работу, потребовавшую много труда и времени и открывшую

для науки массу новыхъ данныхъ. Приписывая такимъ образомъ труду г. Чубинскаго важное значеніе, г. Веселовскій не умалчиваетъ однако объ его недостаткахъ. Подобно другому рецензенту, г. Срезневскому, онъ полагаетъ, что они были неизбежны вслѣдствіе какъ значительности числа лицъ, участвовавшихъ въ составленіи сборника, такъ и обилія и разнообразія вошедшихъ въ него матеріаловъ. Подробному указанію на эти недостатки въ тѣхъ отдѣлахъ сборника, которые относятся до народной поэзіи и народного быта, посвящена существенная часть рецензіи г. Веселовскаго, въ которой онъ устраняетъ отъ своей оцѣнки, какъ не подлежащія суду Уваровской комисіи, монографіи нѣкоторыхъ сотрудниковъ г. Чубинскаго, помѣщенныя въ его сборникѣ. Въ заключеніе онъ говоритъ, что: «по богатству этнографическихъ данныхъ, онъ знаетъ лишь два труда, съ которыми можно сравнить матеріалы и изслѣдованія г. Чубинскаго: это — «Людъ» Кольберга и пока неоконченная «Библіотека Сициліянскихъ народныхъ преданій» Питрэ».

IV.

О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV вѣка. Соч. г. Бережкова. СПБ. 1879.

Професоръ Варшавскаго университета А. И. Никитскій составилъ, по вызову Академіи, подробный и обстоятельный разборъ сочиненія г. Бережкова. Сущность замѣчаній ученаго рецензента сводится къ слѣдующему.

Едва ли какая-либо отрасль древнерусской исторіи можетъ похвалиться такимъ значительнымъ приращеніемъ важныхъ матеріаловъ за послѣднее время, какъ исторія торговли древней Руси съ Ганзой. Это обстоятельство весьма естественно должно было привлекать изслѣдователей къ занятіямъ по этому интересному предмету; но только лишь въ самое послѣднее время являются у насъ настоящія попытки воспользоваться новыми матеріалами въ широкихъ размѣрахъ, извлечь изъ нихъ данныя для объясненія происхожденія Ганзейскаго союза и характера его дѣятельности. Къ числу такихъ попытокъ относится трудъ г. Бережкова; онъ заслуживаетъ нашего вниманія, какъ опытъ разработки данныхъ о томъ участіи, которое въ составѣ Ганзейскаго союза принадлежало древней Россіи.

Авторъ самъ очертилъ принятую имъ на себя задачу слѣдующимъ образомъ: «на основаніи документовъ и лѣтописныхъ дан-

ныхъ восполнить свѣдѣнія о торговлѣ Новгородѣ и Западной Руси съ Ганзой до закрытія Нѣмецкаго Двора въ Новгородѣ въ 1494 году, и представить критическую повѣрку выводовъ, сдѣланныхъ въ прежнихъ ученыхъ трудахъ. Не рассчитываемъ на полную обработку всѣхъ относящихся сюда матеріаловъ и не надѣемся вездѣ въ новомъ свѣтѣ представить предметъ; однако рѣшаемся исполнить нашу задачу именно въ предположенныхъ размѣрахъ, руководствуясь тою мыслью, что болѣе широкая постановка задачи удобнѣе для достиженія цѣльнаго взгляда на предметъ и для лучшей оцѣнки фактовъ, смыслъ которыхъ полнѣе открывается въ томъ случаѣ, когда они подводятся подъ одну общую идею». Соглашаясь съ авторомъ относительно выгодъ широкой постановки задачи, г. рецензентъ указываетъ на то, что дѣло имѣетъ и свою оборотную сторону, и что неудобства, вытекающія изъ послѣдней, врядъ-ли не перевѣшиваютъ въ настоящемъ случаѣ выгоды первой. Широкая постановка задачи въ историческихъ трудахъ можетъ давать плодотворные результаты только тогда, когда при изученіи дѣла не приходится идти цѣлномъ, когда подлежащія разсмотрѣнію фактическія данныя значительно подготовлены, когда по отдѣльнымъ вѣтвямъ предмета имѣется достаточный запасъ частныхъ изслѣдованій. А въ вопросѣ о Ганзейской торговлѣ на Руси дѣйствительность представляетъ, за немногими исключеніями, прямую противоположность этимъ условіямъ. По этому скорѣе можно было бы ожидать что ограниченіе работы одною какою-либо мѣстностью Русской земли дало бы гораздо болѣе плодотворные результаты какъ въ отношеніи правильной оцѣнки фактовъ, такъ и въ отношеніи даже цѣльности взгляда на иноземную торговлю на Руси, чѣмъ общее обозрѣніе, принужденное зачастую отказываться отъ удовлетворенія самымъ существеннымъ научнымъ требованіямъ. Если же авторъ предпочелъ поставить себѣ задачею изображеніе Ганзейско-русской торговли во всемъ ея объемѣ, то это—его добрая воля, и критикѣ остается только послѣдовать за нимъ и опредѣлить, на сколько выполнена имъ эта задача, т. е. на сколько достигнута имъ цѣльность взгляда на предметъ, на сколько представляетъ собою гарантію научности сдѣланная имъ критическая оцѣнка выводовъ и фактовъ, и наконецъ на сколько сочиненіе его возмѣщаетъ пробѣлы прежнихъ работъ въ отношеніи полноты данныхъ. Такой немаловажный трудъ исполнилъ г. Никитскій въ составленной имъ рецензіи, въ которой онъ замѣчаетъ, что

г. Бережкову не удалось совладѣть съ его обширнымъ матеріаломъ виѣшне. Въ строгомъ смыслѣ, обзорѣніе торговли Руси съ Ганзой должно быть внутренней исторіей этой торговли, и въ качествѣ таковой, слѣдовать своему особому порядку, въ которомъ историческое и предметное изложеніе дѣла должны быть строго разграничены. Но такого разграниченія у г. Бережкова нѣтъ; у него скорѣе замѣчается наклонность къ смѣшенію обоихъ этихъ моментовъ въ одно безразличное цѣлое—обстоятельство, отнимающее у сочиненія значительную долю его наглядности. Отсутствие виѣшней наглядности есть всегда до нѣкоторой степени вѣрный признакъ недостаточности общаго цѣльнаго взгляда на предметъ. И дѣйствительно, если въ данномъ случаѣ подъ цѣльностью взгляда понимать не простое обзорѣніе Ганзейской торговли во всѣхъ краяхъ древней Россіи, а отчетливое изображеніе отличительнаго характера этой торговли въ ея мѣстномъ и историческомъ развитіи, то въ этомъ смыслѣ трудъ г. Бережкова оставляетъ желать еще многого. Останавливаясь съ любовью на второстепенныхъ чертахъ, авторъ какъ-то неохотно касается главныхъ, отъ которыхъ больше всего и зависитъ цѣльность взгляда. Отъ труда, претендующаго на цѣльность взгляда, всего естественнѣе ожидать обстоятельнаго разъясненія такихъ существенныхъ вопросовъ, каковы на пр. вопросы о характерѣ купли-продажи объ активномъ участіи Русскихъ въ торговлѣ, объ относительной выгодности торговли для заинтересованныхъ сторонъ, объ особенностяхъ торговаго быта въ разныхъ краяхъ древней Россіи и т. п. А между тѣмъ, именно эти вопросы и оставлены авторомъ почти совершенно въ тѣни и не разработаны въ той мѣрѣ, какая желательна и возможна по количеству имѣющихся уже данныхъ. За тѣмъ, едва-ли не самую слабою частью труда г. Бережкова является изображеніе историческаго развитія Ганзейской торговли на Руси въ послѣдніе два вѣка ея существованія. Конечно, было бы несправедливо утверждать, что г. Бережковъ не удѣляетъ этому предмету никакого вниманія. Напротивъ, у него есть даже особенная (VI) глава, посвященная исключительно обзорѣнію исторіи торговли въ XIII, XIV и XV вѣкахъ, по крайней мѣрѣ въ одномъ Новгородѣ. Но эта глава носитъ совершенно виѣшній характеръ, и есть исторія не столько торговыхъ отношеній, сколько враждебныхъ столкновеній между Новгородцами и Нѣмцами и вытекавшихъ отсюда перерывовъ въ торговлѣ и новыхъ торговыхъ договоровъ. А между тѣмъ исторія торговли есть по пре-